

А. Н. ГВОЗДЕВ

**ВОПРОСЫ ФОНЕТИКИ.
ЧТО ДАЮТ ТРИ ТИПА ТРАНСКРИПЦИЙ¹**

1

Помещенная в журнале «Slavia» статья Р. И. Аванесова ставит целью выяснение того, какую помощь может оказать использование транскрипций разного типа для теоретического изучения фонетической системы языка. Автор статьи придает чрезвычайно большое значение выдвигаемому им вопросу. Он пишет: «Научно-лингвистическая транскрипция разных типов является квинтэссенцией теоретического изучения звуковой системы языка в ее разных аспектах, разных ее связях со структурой языка. Она наглядно демонстрирует результаты теоретического изучения звуковой системы языка» (стр. 371). Вследствие этого, а также потому, что предлагаемые Р. И. Аванесовым типы транскрипций резко отличны от того, что обычно принято понимать под фонетической транскрипцией, есть основание подробно рассмотреть выдвигаемые в статье положения, тем более что сам автор в заключении выражает надежду, что «обсуждение положений, выдвинутых в этой статье, поможет ему в дальнейшей разработке проблемы» (стр. 371).

В качестве введения в статье коротко сообщается о параллельных и непараллельных позиционных чередованиях и о связанных с последними слабых фонемах. На основе этого выдвигаются три аспекта изучения фонетического строя для таких языков, как русский: 1) собственно фонетический, рассматривающий звуки «вне отношения к структуре языка»; 2) словофонематический, устанавливающий состав фонем (сильных и слабых) в «словоформах»; 3) морфофонематический, заключающийся в рассмотрении звуковых единиц «в качестве элементов морфемы». Для каждого из этих аспектов и предлагается особая транскрипция, обозначаемая соответствующим термином.

Необходимо отметить, что в статье остаются нераскрытыми основные понятия, которые являются исходными при решении поставленных проблем, например: что такое слово, в частности фонетическое слово, что такое морфема (а также некоторые другие). Они не так ясны, как может показаться, особенно если рассматривать их с точки зрения тех аспектов, которые предложены в статье.

2

Задачи фонетической транскрипции определяются в ее связи с первым аспектом так: «кратчайшие звуковые единицы... рассматриваются с максимальным учетом всех их физиолого-акустических свойств и притом вне отношения к структуре языка, вне учета позиционных условий, определяющих в той или иной мере их качество, без постановки вопроса о том, какие кратчайшие единицы являются разновидностью одной и той же еди-

¹ По поводу статьи Р. И. А в а н е с о в а «О трех типах научно-лингвистических транскрипций» («Slavia», годн. XXV, seš. 3, 1956. В дальнейшем ссылки на стр. этой статьи даем в тексте в скобках).

ницы и какие являются самостоятельными, другими единицами (т. е. без постановки вопроса о тождестве и не тождестве)» (стр. 351).

Хотя фонетическая транскрипция, по-видимому, понимается Р. И. Аванесовым в соответствии с обычными взглядами на ее цели и характер [о чем свидетельствует его замечание: «фонетическая транскрипция не требует особых пояснений» (стр. 353)], некоторые пункты приведенной характеристики требуют замечаний.

1. Прежде всего, сюда относится заявление, что «кратчайшие звуковые единицы» рассматриваются «вне отношения к структуре языка». Но, как это было выяснено акад. Л. В. Щербой, без отношения к структуре языка невозможно самое расчленение на кратчайшие звуковые отрезки, показательным примером чего служат аффрикаты. Признание их за одну единицу делается на основе их противопоставлений в системе языка. Так же, в зависимости от структуры языка, дифтонги представляют то одну единицу, то две единицы.

2. Описания фонетической транскрипции не дано, а в предлагаемых примерах трудно видеть «максимальный учет всех физиолого-акустических свойств». Не обозначаются даже такие нередко отмечаемые особенности, как фаукальное и латеральное *m*, *d*, глухие *p*, *l*, *m*, *n*, лабиализованные согласные, сильноначальные и сильноконечные согласные; нет попыток обозначения высоты музыкального тона гласных, их разной громкости и шепотного произношения.

3. Наоборот, все отмечаемые детали звуков относятся к таким качествам, которые позиционно обусловлены: *ê*, *Λ*, *и^е*, *ъ*, *ь*, *о*, *о'*, *ö* и т. п. И нет оснований не отмечать, как позиционно обусловлены те или другие звуки, например открытое и закрытое *e*. Такие разновидности звуков появляются в «конкретных языковых фактах», которыми являются «словоформы». Поэтому фонетическая транскрипция имеет тот же объект позиционно обусловленных звуков, что и словофонематическая транскрипция, только в первой не ставится вопрос о принадлежности звуков к фонемам.

4. Но даже утверждение, что при данном аспекте не возникает вопроса, какие звуки «являются разновидностью одной и той же единицы и какие являются самостоятельными, другими единицами», нуждается в оговорках. Есть ряд оснований допускать, что вопрос этот навязывается исследователю, что на фиксацию звуков невольно влияют представления о группировке звуков в известные единицы, причем эта группировка обуславливается акустическими свойствами звуков. Об этом говорит самая система обычно употребляемых в фонетической транскрипции знаков — букв того или иного алфавита. Транскрипция и развивалась как уточнение и устранение недостатков традиционного орфографического письма, а последнее справедливо признается в своей основе фонологическим письмом. В данной статье употребляются буквы русского алфавита, иногда сопровождаемые дополнительными значками. Так, с одной стороны, обозначение буквой *и* (без значков) закрытого *и* (*ни^ть*) и открытого *и* (*пи^ла*) или буквой *ö* таких различных в артикуляционно-акустическом отношении звуков, как *ö* в *дар*, *дна*, *седла*, есть уже своего рода объединение звуков в единицы; также, с другой стороны, сопровождение буквы значками, например *а'*, *а'*, *ä* или *е*, *ê*, невольно наводит на мысль о том, что это разновидности чего-то общего: звука типа *а* или *е* (вопрос не в том, правильна ли такая группировка). Поэтому в значительной мере представляется иллюзией то, что при фонетической транскрипции не возникает вопроса о тождестве.

При методическом рассмотрении вопроса выдвигались разные решения об этих единствах. Так, Бодуэн де Куртене, исходя из индивидуально-психологической концепции языка, развивал теорию о представлениях звуков как постоянной, общей единицы и о расхождении между намерением и исполнением, зависящим от связей артикуляции звука с артикуляциями окружающих звуков. Акад. Л. В. Щербой было выдвинуто чисто

социальное основание — выделение типов звуков в зависимости от их роли в различении значимых элементов языка.

У Р. И. Аванесова нет четкого понятия о звуке речи как фонетической единице; фонетика остается без объекта. Его подход оставляет фонетику вне языкознания, в связи с чем получается разрыв между фонетикой и фонологией, на ошибочность чего не раз указывалось.

3

Что представляет собой словофонематическая транскрипция? Важно установить, с какой языковой единицей она связана. Об этом сообщается следующее: «Второй аспект основан на рассмотрении кратчайших звуковых единиц в качестве элементов звуковой оболочки словоформы, т. е. данного конкретного слова в его данной форме (т. е. на рассмотрении их в качестве фонем). Этот аспект исследования назовем словофонематическим, так как исходным для него является слово в той или иной форме, конкретный „случай“ как лексико-грамматический факт» (стр. 351). Так как исходным понятием служит здесь «словоформа», то следовало ожидать разъяснений, что понимается под «словоформой» в фонетическом отношении. Но этого в статье не сделано, а между тем вопрос о фонетическом слове отличается сложностью как раз в отношении позиционных чередований, которым в трактовке фонем отводится очень большое место.

Дело в том, что позиционные чередования обычно связаны со словом то большего, то меньшего объема. Редукция гласных, например, охватывает «большое слово», включающее проклитики и энклитики (предлоги и частицы), в то же время по оглушению звонких согласных в конце слова предлоги включаются в слово (в них конечный согласный не оглушается), а частица *ли* остается за пределами слова (перед ней звонкие оглушаются) и т. д.¹ Поэтому следовало указать, включаются ли в «словоформу» проклитики и энклитики (фонетически они несамостоятельны) или они представляют самостоятельные «словоформы». В примерах транскрипций позиционное положение звуков, имеющих в предлогах и союзах, определяется по их связи со следующими словами: *на другой* — П [на_другój]; *об истине* — П [а_бис_зт'иш'э]; *что люди* — П [ш_этал'уд'и] (стр. 366—367) (частицы вообще не встретились), — так что, по-видимому, «словоформа» равняется большому фонетическому слову. Это имеет большое значение для решения вопроса о фонемах.

Назначение словофонематической транскрипции представляется так: «Словофонематическая транскрипция передает на письме звуковую оболочку конкретного языкового факта, „случая“ (слова или слова в определенной его форме), частично „разделяя“ входящие в ее состав кратчайшие звуковые единицы — освобождая их от всего „внешнего“ — позиционного, обусловленного в данном конкретном языковом факте фонетическим положением и сохраняя „внутреннее“, все самостоятельное и функционально значимое. Буква как элемент словофонематической транскрипции является знаком фонемы — сильной (в позиции максимальной дифференциации) или слабой (в позициях меньшей дифференциации)» (стр. 352). Таким образом, все позиционное объявляется «внешним», функционально незначимым в словоформе, т. е., очевидно, не имеющим различительной функции. А различительность в словоформе связывается с позициями, как это видно из следующего „закона“: «тождеству словоформы (т. е. той же словоформе) соответствует тождество фонем; напротив, „не тождеству“ словоформ (т. е. разным словоформам) соответствуют различия в фонемах одного „ранга“» (стр. 350). Далее на примерах иллюстрируется различие в „сильных фоне-

¹ Подробнее о разном объеме слова по фонетическим показателям см. в статье «О пределах действия звуковых закономерностей в русском языке» (сб.: А. Н. Гвоздев, О фонологических средствах русского языка, М.—Л., 1949).

мах* ([сон], [сын], [сан]) и в „слабых фонемах“ (глухие в конце [пыл'йт], [пыл'йш])¹.

Но словоформы могут различаться и противопоставлением сильных и слабых фонем, и это может быть единственным их различием. Ср. различие в гласном и глухом согласном перед глухим согласным: [утóк]—[стóк]; [упáл]—[спáл]; [шкáл]—[скáл]; или противопоставление сонорного с таким же глухим: [волк]—[воск]; [сýмк'и]—[сýтк'и]; [гýлк'я]—[гýпк'я]; [порт]—[пост]; [пол]—[пот]; [сон]—[сок]. Следовательно, различителями выступают фонемы не одного „ранга“. Правда, в статье имеется одна неясность. В качестве примеров, когда имеются «различия в слабых гласных фонемах», приводятся сопоставления: [сурóк] и [сырóк], [пыл'йт] и [шл'йт] (стр. 350), где звуком с «ослабленной различительной способностью», «эквивалентом двум звуковым единицам сильной позиции» является только [л] ([α]); но нигде не затрагивается вопрос о том, являются ли безударные [y], [и] слабыми фонемами, и в транскрипции они не отличаются от ударных [y], [и]².

Но дело не только в этом.

Особенно показательны случаи, когда слабая фонема импльно позиционно обусловленным качеством функционирует паравне с сильными фонемами. Так, в «Фонетике современного русского литературного языка» Р. И. Аванесова читаем: «В словах *мял*, *мёл*, *мел* (произносится [м'ал], [м'ол], [м'ел]) употреблены разные гласные, находящиеся в совершенно одинаковых условиях: после мягкого согласного [м'] и перед твердым согласным [л], под ударением. Так как в приведенных словах остальные звуки тождественны, то единственным средством различения их звуковых оболочек является качество гласных» (стр. 8). Но в то время как в *мял* и *мёл* [м'] является сильной фонемой, в *мел* [м'] перед [с] является слабой по твердости и мягкости фонемой, что и отмечается в словофонематической транскрипции цифрой 1 [м₁ел]; однако эти разные фонемы, звучащие одинаково, функционируют одинаково — не служат средством различения указанных слов. Наоборот, сравнивая *мел*, *мёл*, *мол*, нельзя не видеть, что два первых слова отличаются от последнего мягкостью [м'], так что слабая по твердости-мягкости фонема [м₁], а фактически мягкая [м'] в [м₁ел] противопоставляется сильной твердой [м] в [мол].

Или сравнение «словоформ» *спать* — *стать* — *слать* показывает, что различие между ними ограничивается противопоставлением [п]—[т]—[л], хотя в двух первых словах [с]—слабая по глухости-звонкости, а в *слать* — сильная глухая фонема. Так же сравнение *сдать* [здат']—*знать*—*звать* показывает, что они различаются лишь вторым согласным [т]—[н]—[в], хотя [з] в *сдать* — слабая по глухости-звонкости фонема, а в других словах — сильная звонкая фонема [з]. И в этих случаях одинаково звучащие сильные и слабые фонемы совпадают по функции — они не служат различителями. С другой стороны, сравнение пар *стал* — *знал*, *сдал* [здал] — *слал* показывает, что различение осуществляется двумя звуками: [с]—[з] и [т]—[л] в первом случае и [с]—[з] и [д]—[л] во втором, так что по-разному звучащие сильные и слабые фонемы [с]—[з] выступают различителями. Кроме того, сравнение *стал*—*сдал* [здал] не оставляет сомнения, что различие не исчерпывается только вторым звуком [т]—[д], но охватывает и первый [с]—[з], являющийся в обоих случаях слабой по глухости-звонкости фонемой (в словофонематической

¹ Оставляем без рассмотрения такие нарушения этого «закона», как различия в фонемах одной словоформы: с одной стороны, твор. падеж [руко́й] и [руко́у], [то́й] и [то́у] и, с другой, отсутствие различий в фонемах при «не тождестве» словоформ в омонимах [п'илá] (1 — орудие и 2 — прошедшее время от *пить*).

² В книге Р. И. Аванесова «Фонетика современного русского литературного языка» (М., 1956) безударные [y], [и] называются слабыми гласными фонемами (стр. 114), хотя они не являются эквивалентами нескольких фонем; в то же время сохраняется утверждение, что слабая фонема «является эквивалентом... двух или нескольких сильных фонем» (стр. 30).

транскрипции [с₃тал] — [с₃дал]). Таким образом, различение словоформ осуществляется не только фонемами одного «ранга», но могут противопоставляться сильные и слабые фонемы, а также слабые по известному качеству фонемы.

Помимо рассмотренных явлений отметим следующее. Если принять, как это выяснялось выше, что «словоформа» представляет собой фонетическое слово со включением проклитик и энклитик, то обнаруживается ряд случаев, когда звуки разных позиций служат единственным различителем двух «словоформ». Так, частица *ли* является энклитикой, благодаря чему совпадают в произношении формы с этой частицей и формы с конечным слогом *ли*: *мок ли* — *мокли*, *сох ли* — *сохли*, *гусь ли* — *гусли* [гус'л'и], но перед этой частицей, как и в конце слова: а) происходит оглушение согласных, что приводит к различению звонким сильной позиции и глухим слабой позиции таких случаев, как *дрог ли* [дрокл'и] — *дрогли*, *остриг ли* — *остригли*, *вывез ли* — *вывезли*, *кров ли* [крóфли] — *кровли*, *трав ли* — *травли*; б) не происходит ассимиляции по мягкости, благодаря чему различаются твердостью в сильной и мягкостью в слабой позиции случаи: *вынес ли* ([в'ын'ьсл'и]) — *вынесли* ([в'ын'ьс'л'и]), *вырос ли* — *выросли*, *мыс ли* — *мысли* ([м'ыс'л'и]).

Вследствие того, что союзы сохраняют неизменным гласный, попадая в разные позиции по ударению, разграничиваются в первом предударном слог: а) [ъ] в союзе *да и* [Λ]: *да мой* [д'ымóй] — *домой* [дамóй], *да нос* [д'ьнóс] — *донос* [данóс]; б) [о] в союзах *то, но и* [Λ]: *то пил* [топ'йл] — *топил* [тап'йл], *то мил* — *томил*; *но рой* [норóй] — *нарой*, *норой* [нарóй]¹.

Таким образом, нельзя согласиться, что все позиционное не имеет функционального значения. В связи с этим нет основания в «раздвигании» звуков слабых позиций, в выделении в них и отбрасывании позиционно обусловленных качеств как неважных в фонологическом аспекте.

Отношение между словоформой и фонетическими позициями не является таким простым, как это представляет теория слабых фонем, и вопрос о различительных функциях звуков, хотя он тесно связан с вопросом о позициях, все же является самостоятельным вопросом. Ему должно отдавать предпочтение при определении принадлежности звуков к фонемам. В связи с тем, что действующие фонетические законы имеют различный объем приложения, наблюдаются скрещивание позиций, вследствие чего в словоформах оказываются сопоставимыми и противопоставленными звуки разных позиций. Конечно, это подрывает все учение о «слабых фонемах», рассматриваемых изолированно в пределах одной слабой позиции.

Что касается выделения «слабых фонем», то здесь возникает ряд вопросов и сомнений, частью также потому, что не дано систематического обзора позиций и перечня имеющих в них слабых фонем. Так, общепризнанным является положение о двух позициях безударных гласных, в которых появляются разные звуки: [Λ] — [ъ] ([д'ьрэгóй] = *дорогой*). В словофонематической транскрипции и тот и другой звук обозначается одним знаком [x] и, следовательно, им приписывается одинаковая функция. Но прежде всего нельзя согласиться, что в обоих положениях различается одинаковое количество звуков, т. е. существует одинаковое число слабых фонем. Так, в первом предударном четко противопоставлены после твердых [Λ] — [ы] [сл'рók] (сорок) — [сы'рók], а в заударном [ъ] и [ы] совпадают, как это показывает омонимичность пар: [т'ájн'ьм] (= *тайном*, *тайнам* — *тайным*), [в'ыж'ьт'] (*выжать* — *выжить*). Кроме того, возможны случаи пересечения указанных слабых позиций. Так, сравнивая: [аст'áv'ил] — [паст'áv'ил], [ап'йш'ьт] — [зап'йш'ьт], можно видеть, что различие исчерпывается лишним согласным во вторых словах, но едва ли то же можно сказать о

¹ Подробнее об этих явлениях см. в указанном сборнике А. Н. Гвоздева (стр. 87—88), а также во «Введении в языковедение» А. А. Реформатского (М., 1955, стр. 185).

парах: [аставл'а́л] — [п̣'ставл'а́л]; [ап'иса́л] — [з̣п'иса́л]. Едва ли различие [л] и [̣л] в этих случаях не играет никакой роли. Выше приводилось также противопоставление в таких случаях, как [даро́к] — [д̣'ро́к] (*дорóг* — *да ро́г*)

Наоборот, в словофонематической транскрипции проводится различие в заударном конечном открытом слоге [и] и редуцированного [ε], чередующегося с ударным [е]. Так, формы *бани*, *в бане* транскрибируются II [ба́н'и] — [ф̣а́н'ε]. Здесь нельзя не отметить также, что [н'] в *бани* признается сильной фонемой, а *в бане* — слабой по твердости-мягкости обозначено [н₁]). Но сравнение омонимичных выражений *письмо Вани* (*и письмо Ване* говорит против такого разграничения, а в словофонематической транскрипции эти формы получают разный вид: [ва́н'и] и [ва́н'ε]. Характерно, что в фонетической транскрипции форма *в бане* передана [вба́н'иᵉ], а звук [иᵉ] в других слабых позициях передается знаком [α]. Следует отметить, что в других положениях, особенно в заударных слогах, разграничение [и] и [иᵉ] или [̣л] не лишено искусственности. Так, омонимичны [лб'е̣н'зл'уд'ьт'] (= *обезлюдет* и *обезлюдить*).

Вызывает сомнение и то, что редуцированные гласные после твердых и мягких согласных [л], [̣л] и [иᵉ], [̣л] обозначаются одним знаком [α]. Во-первых, у них разный объем соотношений с сильными фонемами: [л] служит эквивалентом двух фонем ([о] и [а]), а [иᵉ] — трех: ([е], [о], [а]). Кроме того, трудно допустить, что в таких случаях, как *плати́* — *плети́*, *соли́* — *сели́*, *боле́л* — *беле́л*, различие держится только на твердости и мягкости первых согласных, а словофонематическая транскрипция склоняет к этому, так как отражает только их различие: [плат'и́] — [пл'ат'и́], [схл'и́] — [с'хл'и́], [бхл₁'эл] — [б'хл₁'эл]. Наоборот, омонимичные у многих говорящих (частично йкающих) словоформы *лежу* — *лижу*, *поседел* — *посидел* получают в словофонематической транскрипции разграничение: [л₁'ажу́] — [л'ижу́], [пхс₁'хд₁'эл] — [пхс'ид₁'эл].

Хотя главной целью словофонематической транскрипции является выделение слабых фонем, в этом отношении нет полноты. Так, не затронуты такие позиционные качества, как ассимиляция зубных перед шипящими, например переход [с] в предлоге в [ш], [ж] и т. д.: *с шумом*, *с жаром*. Для этого потребовалось бы констатирование неразличения зубных — переднеязычных и введение какой-то новой цифры при букве. Почему-то Р. И. Аванесов не решился на это; не затронуты и соответствующие примеры.

Как показывают рассмотренные явления, различительные средства фонетики русского языка представлены с натяжками в угоду теории: в ряде случаев оказываются не показанными реально существующие и функционирующие различия, в других — выдвигаются мнимые различия. Словофонематическая транскрипция представляет фонетическую систему как лишенную колебаний и развития, тогда как в ней имеются и элементы неустойчивости, отмирающие и растущие явления¹.

4

Каково назначение третьей — морфофонематической — транскрипции? По этому вопросу в статье Р. И. Аванесова имеются такие указания: «Третий аспект заключается в рассмотрении кратчайших звуковых единиц в качестве элементов морфемы; назовем его поэтому морфофонематическим. При этом аспекте анализа водну единицу объединяются все позиционные различия, наблюдаемые в одной и той же, равной себе морфеме. Такой единицей является фонемный ряд» (стр. 352). И дальше: «Вместе с тем этот анализ позволяет установить тождество морфемы с точки зрения

¹ Четко выраженное признание отмирающих и развивающихся фонем имеется у Р. И. Аванесова в его «Фонетике современного русского литературного языка» (стр. 134—135).

ее звукового строения...» (там же). Поэтому прежде всего было бы совершенно необходимо остановиться на том, как понимается морфема. Важно установить, имеются ли в виду только продуктивные морфемы или морфемы, восстанавливаемые этимологически.

Примером расхождений в установлении звукового состава морфем в зависимости от разного понимания делимости слов на морфемы может служить наречие *натошак*. Р. И. Аванесов устанавливает в нем «слабую фонему [а] при отсутствии форм словообразования и словоизменения: [нѣташ':ák]»¹. Но если учитывать несомненную связь с выражением *на тощий желудок*, то следует установить сильные гласные фонемы [а] и [о] в двух первых слогах: [натош':ák]. В морфофонематической транскрипции следовало бы указывать деление на морфемы, но этого не делается. И в тексте из «Дубровского» (стр. 366—367) о такой делимости можно только догадываться по транскрипции. По-видимому, приставки не выделяются в словах *о пожаре*, *догадками*, но выделяются в словах *обвиняли*, *подгулявших*; суффикс не выделяется в слове *Дубровского*, но выделяется в словах *дворовыми*, *бедствия*. Такие решения далеки от беспорядочности и последовательности. А от выделения или невыделения морфем зависит установление сильных позиций в морфемах: при других решениях морфофонематическая транскрипция имела бы иной вид. Рассмотрим еще слово *предположениями* III [п'р'эдпѣ ложѣн'и] ам'и. Очевидно, в нем приставка *пред-* признается самостоятельной — об этом говорит установление сильной фонемы [д], а приставка *по-* рассматривается как часть корня *-полож-*, иначе в ней можно бы восстановить сильную фонему [о] (*пóдал*). Но едва ли в этом слове с современной точки зрения *пред-* имеет больше оснований для выделения, чем *по-*.

Этот исходный пункт для данной транскрипции остался обойденным. Поскольку «морфофонематическая транскрипция исходит из морфемы», звуки здесь рассматриваются иначе, чем при рассмотрении фонем в словоформах; именно, в этом случае устанавливается функциональное единство входящих в один фонемный ряд фонем — сильной и слабых — исходя из «тождества морфемы» (стр. 350). Это уже не вопрос о различительной функции звуков, а вопрос о том, в какой мере расхождение в звуковом составе не нарушает единства морфемы. Его решение и основывается на понятии морфемы как значимой морфологической единицы, которая является высшей единицей по сравнению с фонемой и подходит к последней в сложных отношениях. Явно морфологический подход сказывается в формулировке отношений между фонемным рядом и морфемой: «Тождеству морфемы (т. е. той же морфеме) соответствует тождество фонемных рядов, напротив „не тождеству“ морфем соответствует различие в фонемных рядах» (стр. 351). Это особенно ясно подтверждается тем, что одинаковые позиционно обусловленные ряды звуков составляют фонемный ряд лишь при условии их вхождения в одну морфему, например: [ж] — [ш] в [лѣжѣк] — [лѣшѣк], но не [лѣжѣнѣй] — [лѣшѣк], или [о] — [а] — [ѣ] в [вѣду] — [вѣдѣ] — [вѣд'и'ной], а не в [вѣду] — [вѣд'ит']. Кстати, вторая часть этой формулы: «„не тождеству“ морфем соответствует различие в фонемных рядах» — в такой категорической форме не соответствует фактам, так как имеются омонимичные фонемные ряды; ср. две морфемы *вод-*: [вѣду] — [вѣдѣ] — [вѣд'и'ной], [вот] (вешних) и [вводѣтъ] — [вѣд'ит'] — [вѣвѣтъ]. Безусловно одинаковы фонемные ряды у омонимичных окончаний: *кон-ѣм* [ом] — *лос-ѣм* [ам]; *нес-ѣм* [ом] — *вынес-ѣм* [ам].

Главное же, если исходить из морфемы и видеть «функциональное единство» звуков фонемного ряда на основе «позиционной обусловленности его членов и их несемасиологизованности по отношению друг к другу» (стр. 350), то возникает вопрос, являются ли фонемные ряды пределом

¹ См. Р. И. А в а н е с о в, Фонетика современного русского литературного языка, стр. 33.

звуковых расхождений, не нарушающих тождества морфем. По общепринятым взглядам единство морфем не нарушается не только позиционными чередованиями, но также историческими (точнее, теми из них, которые стали морфологическими — *снег-а — снеж-н-ый*), которые по их функциям для морфем однородны с позиционными чередованиями. Так, они: а) не разрушают единства морфемы, б) не создают добавочных значений (в отличие от тех, которые образуют внутреннюю флексию), в) не связаны с одной морфемой, а появляются в разнородных морфемах, г) обязательны в определенных морфологических условиях¹.

Поэтому для характеристики звукового состава морфем следует к позиционно обусловленным фонемным рядам присоединить и морфологические чередования, например, в корне *воз-* чередуются не только [з] — [з'] — [с], но и [ж]: *вывоза — вывозить — вывоз — вывожу*. Без этого морфологическая характеристика остается неполной, она производится не с точки зрения тождества морфем, а со стороны внешнего для морфемы условия — зависимости звуков от позиций. С другой стороны, рассмотрение позиционных изменений только в одной морфеме не охватывает, как указывалось, всех позиционных изменений ([вбду] — [вада], но не [вад'ил]), вследствие чего и фонетический подход также не выдерживается до конца.

Следует также остановиться на том, какие вопросы возникают при выяснении того, в какой мере звуки способствуют или препятствуют выделению морфем и разграничению разных морфем. Прежде всего требуется отметить, что в отличие от слов, которые могут произноситься изолированно, морфемы изолированно не встречаются и употребляются в словах. При этом фонетических признаков деления слов на морфемы не имеется. Так, произносятся совершенно одинаково слова с разной морфологической делимостью: [п'растой] = *прост-ой человек* и *про-стой вагонов*; [б'острьвь] = *остров-а* и *остр-ого*; [п'илá] = *острая пил-а* и *девочка пи-л-а*. Одинаковые сочетания звуков могут составлять отдельную морфему или входить в разные морфемы, или составлять часть одной морфемы, и это можно установить только на основе значения. Ср. начальное сочетание [н'ьда]-: *надо-рв'ать, над-об'ный, на-дойть, надоведливый*. Или конечное сочетание *ит*: *говор-ит, разли-т, визит*.

Таким образом, процесс выделения морфем в качестве морфологических единств («тождеств») является чрезвычайно сложным и осуществляется при обязательном участии значения. При этом дело сводится не только к установлению единства чередующихся звуков фонемного ряда, а к установлению самого состава таких рядов, что происходит на основе широких и разнообразных соотношений между словами и их формами.

Различие фонетического и морфологического подхода сказывается в том, что нередко «различительность» того и другого рода расходятся. Так, если связывать различия в словах и формах с различиями звуков, как это обычно делается при первоначальном ознакомлении с морфемами, то в таких соотношениях, как *залил, записал, закупил, запылил; налил, написал, накупил, напылил*, следовало бы выделить приставки *з* и *н*; или в надежных формах прилагательных множественного числа *пустые, пустых, пустым, пустыми* можно бы выделить основу *пусты-* и окончания *е, х, м, ми*. А сопоставляя формы *столом — столам* или *пустым — пустом*, можно бы признать, что их различают или особые морфемы *о — а, ы — о*, или внутренняя флексия. При чисто фонетическом подходе такие решения вполне допустимы, но морфологический подход, учитывающий все имеющиеся в языке соотношения морфем, приводит к другим решениям.

Переходя к рассмотрению морфофонематической транскрипции в том виде, в каком она дается в статье, следует отметить, что она в общем повторяет фонематическую транскрипцию автора, данную в «Очерке грамма-

¹ Наличие исторических чередований не рассматривает как нарушение тождества морфем А. А. Р е ф о р м а т с к и й (см. его статью: «О соотношении фонетики и грамматики (морфологии)», [сб.] «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 107—108).

тики русского литературного языка». Назначение морфофонематической транскрипции сводится к передаче кратчайших звуковых единиц «с освобождением всех их позиционно обусловленных качеств... в морфемах как кратчайших структурных, значимых единицах языка. В морфофонематической транскрипции остаются без обозначения все позиционно обусловленные в морфеме, не существенные для морфемы качества» (стр. 357). Здесь привлекает внимание заявление, будто «позиционно обусловленные качества не важны для морфемы». Это остается не раскрытым.

Действительно, как выяснилось, позиционные (а также морфологические) чередования не разрушают единства морфем, но слабые позиции, обладающие меньшими различительными возможностями, ослабляют различение разных морфем. Так, различаются *столом* — *столам*, но совпадают *огородом* — *огородам* [агаро́дѣм]; различаются *земли* — *земле*, но совпадают (письмо) *Коли* — *Коле* [ко́л'и]; *стрижет* — *бежит*, но *машет* — *слышит*. Кроме того, в одной парадигме взаимная мена сильной и слабой позиции (в связи с подвижностью ударения) может разграничивать формы: *городом* [ѣм] — *городам*; *окном* — *окнам* [ѣм]. Поэтому позиционные качества препятствуют различению морфем, и это нельзя считать несущественным, тем более что имеются случаи, «когда фонемный ряд неполон, когда отсутствует в словах с данной морфемой сильная фонема» (стр. 357). Можно ли о таких морфемах сказать, что они лишены «существенных» качеств морфем? Можно ли приписать суффиксам *-тель* и *-ск* какую-то морфологическую неполноценность по сравнению с *ник-* и *-лив* потому, что у первого гласный, а у второго первый согласный не встречаются в сильной позиции?¹

Р. И. Аванесов в качестве характерного признака морфофонематической транскрипции называет следующий: «Буква является знаком фонемного ряда, причем каждый фонемный ряд обозначается по возглавляющей его сильной фонеме» (стр. 357). Это требует уточнения. Дело в том, что сильные фонемы в морфеме далеко не всегда чередуются со слабыми. Например, корни *дом-* и *ход-* одинаково передаются в морфофонематической транскрипции [дом] и [ход], тогда как [д] в *дом-* всегда остается неизменным, а [д] в *ход-* имеет фонемный ряд: [д] — [т] — [д']. Также [о] в корне *дом-* передает фонемный ряд [о] — [а] — [ѣ], а в корне *вот* соответствует только сильной фонеме [о]. При этом в отношении согласных имеется четко выраженная закономерность, обусловленная их положением в морфеме, а именно: согласные в начале морфемы (перед гласными) остаются неизменными: [м], [л] в *молодой*, [м'] в *мясо*, [з'] в *звзнуть* и т. д.; наоборот, в конце морфемы они попадают в разные условия и образуют фонемные ряды: [д] — [т] — [д'] в *молодой*, [з'] — [с'] — [з] в *грязь*.

Помимо этого, в морфофонематической транскрипции не всегда употребляются буквы, соответствующие сильной морфеме, хотя это является ее основной целью. К такой непоследовательности вынуждают языковые отношения. Об этом сообщается так: «Однако в тех случаях, когда фонемный ряд неполон, когда отсутствует в словах с данной морфемой сильная фонема, приходится довольствоваться обозначением слабой фонемы» (стр. 357). Из этого прежде всего следует, что в языке существуют такие морфемы, которые не имеют «существенных» для морфемы качеств (там же); это не означает, что они неполноценны в морфологическом отношении.

Что касается обозначения фонемных рядов, то и здесь имеется непоследовательность. Обозначается только своего рода нижний предел, а не указывается, какой фонемный ряд скрывается за ним. Например, [а] ([а]) в *сарай* и *топор* различается тем, что в первом случае остается неиз-

¹ Этот вопрос заслуживает большого внимания, так как высказывается взгляд, что для морфологии важны только сильные позиции. Ср. подобное суждение А. А. Реформатского (указ статьи, стр. 95). Такой подход лишает возможности освещать многие морфологические явления.

менным, а во втором чередуется с [ъ] (*топоры*); то же [с'] в *сел* и *здесь* (ср. *здесь бы*). Есть и такие случаи, когда могут отсутствовать те или иные средние звенья; например, в корне *доктор* первое *о* имеет чередование с [ъ] (*докторá*), но не имеет чередования с [л]. Поэтому нет оснований признавать, что буквы морфофонематической транскрипции служат обозначением «фонемных рядов» в определенной морфеме — они могут обозначать и одну сильную фонему, и одну слабую фонему, и неполный фонемный ряд. Морфофонематическая транскрипция, таким образом, не отвечает тем целям, для которых она введена, и лишена единого основания.

Если ставить перед собой задачу — показывать неизменные и изменяемые элементы звукового состава морфем, то можно воспользоваться формулировкой А. М. Пешковского, который писал о корне *вод-а*: «Значение это может быть связано только с теми звуковыми элементами, которые есть во всех словах, т. е. не с *вод-*, не с *вот-*, не с *вад-*, не с *вад'*-, не с *вад-* и не с *вад'*-в отдельности, а с неким эксцерптом из этих элементов, с неким как бы алгебраическим «корнем», извлеченным из них, что схематически можно представить так: $v + (o \text{ или } a \text{ или } \bar{a}) + (\bar{d} \text{ или } d' \text{ или } t)$ »¹. Для компактности можно чередующиеся элементы располагать вертикально, помещая в нижнем ряду сильную фонему. В этом случае некоторые из рассмотренных примеров получают такой вид:

- 1) *дом* — д + $\begin{matrix} \bar{o} \\ a \end{matrix}$ + м', 2) *ход* — х + $\begin{matrix} \bar{o} \\ a \end{matrix}$ + д', 3) *док* — д + $\begin{matrix} \bar{o} \\ a \end{matrix}$ + к, 4) *молод* — м + $\begin{matrix} \bar{o} \\ a \end{matrix}$ + л + $\begin{matrix} \bar{o} \\ a \end{matrix}$ + д',
5) *мясо* — м' + $\begin{matrix} \bar{e} \\ e \end{matrix}$ + $\begin{matrix} c' \\ c \end{matrix}$ + $\begin{matrix} \bar{o} \\ o \end{matrix}$, 6) *сарай* — с + $\begin{matrix} \bar{a} \\ a \end{matrix}$ + р + $\begin{matrix} \bar{a} \\ a \end{matrix}$ + й, 7) *топор* — т + $\begin{matrix} \bar{a} \\ a \end{matrix}$ + п + $\begin{matrix} \bar{o} \\ o \end{matrix}$ + р', 8) *доктор* — д + $\begin{matrix} \bar{o} \\ o \end{matrix}$ + к + т + $\begin{matrix} \bar{a} \\ a \end{matrix}$ + р', 9) *очень* — о + ч' + $\begin{matrix} \bar{y} \\ y \end{matrix}$ + н'.

Из этого видно, что [о] морфофонематической транскрипции может обозначать: 1) $\bar{o}$ [ход], 2) $\bar{o}$ [тапóр], 3) $\bar{o}$ [дóктар], 4) о [бч'ан']; [а] может обозначать: 1) $\bar{a}$ [тапóр], 2) а [сарáй]; 3) $\bar{a}$ [дч'ан'] и т. д.

Вопрос о неизменных и подвижных звуковых элементах морфем в целом не поставлен и не разрешается морфофонологической транскрипцией. Частично он затрагивается в разделе, посвященном «блокам» — «типичным сочетаниям фонем, некоторые из которых имеют определенные общие для сочетания (для „блока“) звуковые признаки» (стр. 360). Не касаясь этого вопроса в целом, приходится отметить осложненность изложения этого вопроса и необоснованность его выделения. Речь идет о явлениях (вызываемых ассимиляцией согласных перед согласными), которые наблюдаются как на стыке морфем, так и внутри морфем. Внутри морфемы существуют и другие связанные группы (например, мягкость согласных перед [е] обусловлена и не может быть сопоставлена с сильной позицией), но почему-то они не привлекают внимания. С фонетической стороны в широком понимании, т. е. имея в виду и принадлежность к фонемам первых «обусловленных» звуков, сочетания фонем на стыке морфем и внутри морфем однородны, как это показывает словофонематическая транскрипция: П [с₁л'ос] — [с₁л'ок] (стр. 362). Но, естественно, на стыке морфем фонемы могут быть разъединены, а внутри морфемы они обычно неделимы. С другой стороны, иногда «блоки», находящиеся в конце морфемы, допускают разъединение, например «блоки» *ст*, *зд* в корнях *мест-*, *везд-*: когда эти корни употребляются в прилагательных *местный*, *вездный*, то [т] и [д] не произносятся. Можно ли считать, что и в этом случае качество [с] и [з] определяется отсутствующими звуками? В словофонематической транскрипции этих прилагательных признается, что у [с] и [з] обусловлена только твердость, а глухость и звонкость самостоятельны (перед сонорной), а в морфофонологической транскрипции показывается,

¹ А. М. Пешковский, Сборник статей, М.—Л., 1925, стр. 10.

что у них обусловлена и глухость-звонкость (ср. II [$m_1 \acute{e} c_1 n \acute{x} j$] и III [$m_1 \acute{e} (c_2 t) n o j$]). Это явное расхождение.

В общем морфофонематическая транскрипция, в отличие от фонетической и словофонематической транскрипций, имеющих дело с непосредственно данными звуковыми рядами, представляет реконструкцию звукового состава морфем в сильных позициях путем сопоставлений этих морфем в разных условиях их употребления в словоформах. Получаемое при этом «идеальное» построение фонетической оболочки морфем нередко приобретает такой вид, который фактически не может встретиться в речи; так, невозможно одновременное появление [o] в двух слогах корня *голов-*. В противоположность словофонематической транскрипции, в которой звуковой состав слов обобщается и лишается некоторых имеющихся у него качеств, морфофонематическая транскрипция, изображая максимум различительных свойств, добавляет некоторые качества, фактически отсутствующие в анализируемых вариантах (в транскрипции даются не отдельные морфемы, а слова и сочетания слов). Ср. I [$c_1 j \acute{e} s t$] и II [$c_1 j \acute{e} s c_2 t_2$] (= *съест* и *съезд*), но III [$c_1 j \acute{e} (c_3 t)_2$] (*съест*) и [$c_1 j \acute{e} (z_3 d)$] (*съезд*) (стр. 364). Если словофонематическая транскрипция «раздевает», то морфофонематическая «одевает». В последней наблюдается известная противоречивость: при фонетическом подходе следовало бы охватить целиком отношения звуков слабых и сильных позиций, однако исследуются лишь те фонетические чередования, которые имеют место в одной морфеме; при морфологическом же подходе следовало бы охватить все чередования звуков, которые не разрушают единства морфемы, а к ним, помимо позиционных, относятся и морфологические (исторические) чередования.

Спорными являются выделяемые аспекты изучения фонетического строя и устанавливаемые в виде «ярусов» отношения между ними. В то время как фонетический и словофонематический аспекты направлены на изучение специфически фонетических явлений и могут быть названы фонетическими¹, морфофонематический аспект направлен на изучение звуковой стороны морфем (далеко не в полном объеме). При этом имеются в виду не различительные функции звуков, а их объединенность в морфеме, и данный аспект нельзя называть фонологическим; он органически связан с морфологией. Что касается «ярусов», то нельзя отрицать, что в языке есть низшие и высшие единицы, но не следует слишком упрощенно понимать их взаимоотношения. В связи с тем, что слово является высшей единицей по отношению к морфеме, представляется непосредственным рассмотрение звуков в словоформе в качестве второго аспекта («этажа»), а рассмотрение звуков в морфеме — в качестве третьего этажа.

Лишена наглядности и сложна символика словофонематической и морфофонематической транскрипций: у гласных слабые фонемы обозначаются особыми знаками, у согласных для этого употребляются цифровые показатели. Настоящими криптограммами выглядят случаи, в которых фигурируют цифры и скобки: разгадывать их без сопоставления с орфографическим или фонетическим письмом нелегко.

В заключение следует отметить, что хотя в выдвигаемой концепции остались не охарактеризованными основные исходные единицы (слово, морфема, звук речи) в их отношении к звуковой стороне, однако с единых оснований (пусть не бесспорных) и вполне определенно квалифицируется обширный фонетический материал. Это дает возможность ставить и обсуждать конкретные фонетические вопросы, решение которых только и может способствовать разработке теоретических проблем фонетики. В указанном отношении рассматриваемая статья коренным образом отличается от многих работ по фонологии, посягающих декларативный характер.

¹ Следует отметить, что «словоформа» понимается Р. И. Аванесовым исключительно как фонетическая единица, хотя он и сообщает, что слово берется «как лексико-грамматический факт» (стр. 351). В отличие от этого «морфема», несомненно, рассматривается как конкретная значимая единица.